

Нулевой предел

Опыт построения
реляционной модели
сознания

◦ философский трактат ◦

Владимир Коток

2026 г.

Нулевой предел

Владимир Коток

Опыт построения реляционной модели сознания

Введение. Откуда начинается мир?

Философия на протяжении тысячелетий пыталась ответить на один и тот же вопрос: что существует на самом деле? Одни искали первооснову в материи, другие — в духе, третьи — в математических структурах или логических отношениях. Современная физика добавила к этому перечню поля, квантовые состояния и геометрию пространства-времени. Однако при всём различии этих подходов они объединены общей особенностью: каждый из них стремится описать мир так, словно на него можно посмотреть со стороны. Но существует обстоятельство, которое невозможно вынести за пределы любого описания. Любое знание предполагает того, для кого оно является знанием. Мы можем сомневаться в существовании внешнего мира. Мы можем обсуждать, является ли пространство фундаментальным или производным, существуют ли элементарные частицы как самостоятельные объекты или лишь как математические состояния. Мы способны поставить под вопрос даже собственную память. Однако существует одно утверждение, которое невозможно отрицать без внутреннего противоречия: пока возникает переживание, существует субъект этого переживания. Эта мысль не нова. Она проходит через всю историю философии — от античной традиции до феноменологии XX века. Но обычно её рассматривают лишь как отправную точку теории познания. Настоящая работа предлагает сделать следующий шаг и рассмотреть её как основание для построения целостной модели отношения между сознанием, математикой и физической картиной мира.

Здесь важно сразу провести различие между тремя уровнями рассуждений. **Первый уровень** — эмпирический. Он включает результаты современной науки: наблюдения, эксперименты и математические модели, подтверждённые опытом. **Второй уровень** — интерпретационный. Одни и те же экспериментальные данные могут получать различные философские толкования. Особенно это заметно в квантовой механике, где сосуществуют несколько взаимно конкурирующих интерпретаций, не противоречащих самим экспериментам. **Третий уровень** — философский. Он не претендует на роль физической теории. Его задача — предложить концептуальную модель, позволяющую увидеть внутренние связи между уже известными фактами и человеческим опытом. Настоящий текст целиком принадлежит именно третьему уровню. Он не предлагает заменить существующие физические теории и не претендует на экспериментальное доказательство своих выводов. Напротив, он исходит из признания границ современной науки и рассматривает собственные построения как философскую гипотезу, вдохновлённую математикой и некоторыми идеями современной физики.

Отправной точкой этой гипотезы становится простое наблюдение. Любое описание мира всегда имеет точку зрения. Не существует карты без системы координат. Не существует измерения без выбранного способа измерения. Не существует наблюдения без наблюдателя. Даже тогда, когда физика стремится к максимально объективному описанию природы, она неизбежно использует язык отношений: положение определяется относительно системы отсчёта, скорость — относительно другого тела, квантовое состояние — относительно процедуры измерения или выбранной интерпретации. Абсолютно независимое описание оказывается всё более труднодостижимым идеалом. Из этого вовсе не следует, что внешний мир не существует независимо от человека. Такой вывод был бы чрезмерным. Однако отсюда

следует более скромная и, как представляется, гораздо более надёжная мысль: всё, что становится содержанием опыта, неизбежно существует как отношение. Именно отношение, а не изолированная вещь, становится главным предметом дальнейшего исследования. Если это предположение верно, то оно должно иметь последствия не только для теории познания, но и для нашего понимания времени, личности, наблюдения и самого понятия небытия. Эта работа представляет собой попытку проследить эти последствия шаг за шагом. Сначала мы рассмотрим, каким образом идея отношения может быть выражена математически. Затем обратимся к тем разделам современной физики, где реляционный подход уже проявляется наиболее отчётливо. И лишь после этого попробуем сформулировать философские выводы относительно природы сознания и границ человеческого опыта. Мы не будем исходить из заранее принятого ответа. Напротив, весь дальнейший текст является попыткой последовательно исследовать один вопрос, который кажется одновременно простым и почти невозможным.

Может ли субъект когда-либо пережить собственное отсутствие?

Часть I. Отношение как первичная реальность

1. Мир как различие

Мы привыкли говорить о вещах так, словно они существуют сами по себе. Стол стоит в комнате, камень лежит на дороге, планета движется вокруг звезды. Кажется естественным считать, что сначала существует объект, а уже затем мы можем начать его описывать. Однако более внимательный анализ показывает, что всякое описание неизбежно начинается не с объекта, а с различия. Чтобы увидеть стол, необходимо отличить его от пола; чтобы услышать звук — различить его на фоне тишины; чтобы определить положение планеты — выбрать систему координат. Даже понятия «лево» и «право», «близко» и «далеко», «раньше» и «позже» существуют лишь как отношения между элементами некоторой системы. Ни один объект не обладает смыслом вне множества связей, в которые он включён.

Красный цвет существует только относительно зрительной системы, способной различать длины волн. Масса приобретает физический смысл лишь через взаимодействие с другими телами. Скорость всегда измеряется относительно выбранной системы отсчёта. Даже число не существует изолированно: единица отличается от двойки не собственной «материальностью», а местом внутри структуры отношений. Возможно, именно поэтому развитие науки на протяжении последних столетий постепенно смещало внимание с самих вещей на законы их взаимодействия. Классическая механика описывает не столько тела, сколько их движение относительно других тел. Теория относительности показывает, что пространство и время перестают быть абсолютными декорациями событий и сами становятся частью системы взаимных отношений между наблюдателями. Квантовая теория ещё сильнее ослабляет интуицию о независимом существовании объектов: свойства физических систем нельзя полностью отделить от условий их проявления и измерения.

Мы не будем делать из этого радикальный вывод, будто мир существует только благодаря наблюдателю. Достаточно принять более осторожное положение: **всё, что становится предметом знания, входит в опыт как отношение.** Это утверждение не говорит, каким является мир сам по себе. Оно говорит лишь о границах любого возможного описания. Можно представить себе реальность, полностью независимую от человека, но невозможно описать её иначе, чем через различия, связи и отношения, возникающие в некоторой системе отсчёта. Именно поэтому отношение оказывается не вторичным следствием существования вещей, а фундаментальной единицей всякого познания.

2. Почему абсолютное описание недостижимо

Представим, что мы захотели описать Вселенную абсолютно объективно. Такое описание не должно зависеть от точки зрения наблюдателя, не должно использовать выделенных координат и не должно опираться на внешний язык описания. Но здесь возникает парадокс: любое описание уже предполагает различие. Чтобы сказать «существует объект», необходимо отделить объект от не-объекта; чтобы утверждать, что произошло событие, — отличить состояние «до» от состояния «после»; чтобы определить положение частицы — требуется система координат. Каждый новый шаг незаметно возвращает нас к отношению. Попытка полностью устранить отношение приводит не к абсолютному описанию мира, а к исчезновению самого описания.

Если удалить все различия, исчезают форма, движение, время, пространство и информация. Остаётся состояние, о котором уже невозможно сказать ничего определённого. Можно назвать его абсолютной симметрией, можно назвать неопределённостью, можно назвать нулевым состоянием — само название здесь не играет решающей роли. Важно другое: абсолютная симметрия не является ещё одним объектом среди других объектов. Она представляет собой логическую границу, за которой исчезает возможность различения. Поэтому дальнейший разговор о нуле не следует понимать как разговор о числе. Ноль здесь выступает символом полного взаимного уравнивания различий. Если любое описание возникает благодаря различию, то полное отсутствие различий оказывается не пустотой, а пределом самого языка описания. Именно к этой идее мы будем неоднократно возвращаться в последующих главах.

3. Ноль как предел различимости

В повседневной математике ноль обычно воспринимается как отсутствие количества, но это лишь одна из его интерпретаций. Во многих разделах современной математики нулевое значение означает не отсутствие структуры, а особое состояние системы. Нулевая сумма противоположных величин не означает, что эти величины перестали существовать; равновесие сил не уничтожает сами силы; интерференционный ноль возникает благодаря точной компенсации волн. Во всех подобных случаях ноль оказывается не пустотой, а результатом взаимного уравнивания. Именно этот образ представляет интерес для дальнейшего исследования.

Мы не утверждаем, что вся Вселенная буквально равна нулю, — подобное утверждение потребовало бы строгой физической теории и экспериментальной проверки. Мы предлагаем использовать ноль как философскую модель предельной симметрии. В такой модели существование каждого различия предполагает возможность некоторой компенсации. Каждая определённость возникает на фоне множества неосуществлённых возможностей; каждый выбор уничтожает множество альтернатив, которые могли бы быть реализованы. Тем самым всякое актуальное состояние оказывается локальным нарушением более общей симметрии. Эта мысль пока ещё не является выводом физики, а представляет собой философскую гипотезу. Однако именно она позволит в дальнейшем связать математическое понятие предела с феноменологией сознания и показать, почему некоторые особенности субъективного опыта естественным образом описываются языком асимптот, а не языком конечных состояний.

Часть II. Предел наблюдения

4. Две перспективы одного события

До сих пор мы говорили о мире как о системе отношений. Теперь необходимо рассмотреть особый случай отношения — отношение субъекта к самому себе. На первый взгляд кажется, что человек способен наблюдать собственную жизнь так же, как наблюдает окружающий мир: «я помню своё детство», «я чувствую боль», «я осознаю свои мысли». Всё это действительно относится к области непосредственного опыта. Но существует одно событие, занимающее в этом ряду совершенно особое положение — это прекращение самого опыта.

Когда мы наблюдаем смерть другого человека, перед нами возникает вполне определённая последовательность событий: остановка сердца, прекращение дыхания, исчезновение электрической активности мозга. Эти события доступны наблюдению, измерению и описанию. Для внешнего наблюдателя смерть представляет собой факт, происходящий в конечный момент времени. Однако положение самого субъекта оказывается принципиально иным. Чтобы пережить собственную смерть как событие, необходимо одновременно выполнить два несовместимых условия: субъект должен существовать, чтобы что-либо переживать, и он должен уже не существовать, чтобы пережить именно собственное отсутствие. Эти требования логически исключают друг друга. Речь идёт не о физиологии и не о религии — это чисто логическое ограничение. Любой акт переживания уже предполагает существование того, кто переживает, поэтому выражение «я пережил собственное отсутствие» содержит внутреннее противоречие. Можно пережить боль, потерю сознания, клиническую смерть с последующим восстановлением, но нельзя пережить состояние, в котором уже некому переживать. Из этого пока ещё не следует никаких выводов о природе смерти, а лишь более скромное утверждение: **существует принципиальная асимметрия между описанием смерти от первого лица и её описанием от третьего лица.**

5. Предел как математическая модель опыта

Подобные ситуации хорошо известны математике. Существуют величины, которые могут бесконечно приближаться к некоторому значению, не достигая его в пределах собственной области определения. Наиболее известный пример — асимптота. Функция может возрастать без ограничения или бесконечно приближаться к прямой, оставаясь определённой лишь по одну сторону границы. Важно понимать, что асимптота не является физическим препятствием; она представляет собой особенность самого способа описания. Для внешнего наблюдателя легко указать положение асимптоты на графике, но для самой функции никакого момента «пересечения» внутри её области определения не существует. Именно поэтому понятие предела оказывается гораздо более интересным, чем понятие бесконечности: бесконечность говорит о величине, а предел — о границе применимости некоторого описания. Это различие имеет принципиальное значение. Если некоторый процесс естественным образом описывается пределом, то вопрос «когда он достигнет конца?» может оказаться некорректным. Гораздо правильнее спросить: **что означает сама граница для различных способов описания этого процесса?**

6. Первое и третье лицо

Вернёмся к человеческому опыту. Представим жизнь человека в виде непрерывной последовательности переживаемых состояний. Каждое новое мгновение становится прошлым, каждое настоящее непрерывно переходит в следующее. С этой точки зрения субъект никогда не наблюдает собственную жизнь целиком — он всегда находится внутри неё. Для внешнего наблюдателя картина выглядит иначе: историк может описать всю человеческую жизнь от рождения до смерти, врач способен определить момент прекращения жизнедеятельности

организма, архив хранит документы уже умершего человека. То, что для самого субъекта является текущим переживанием, для окружающих становится завершённой биографией. Таким образом, возникают два различных описания одного и того же процесса. Они не противоречат друг другу, они отвечают на разные вопросы. Описание от третьего лица фиксирует события как элементы объективной последовательности; описание от первого лица фиксирует лишь те состояния, внутри которых ещё существует субъект наблюдения. Следовательно, область определения этих двух описаний различна: там, где заканчивается первое лицо, третье лицо продолжает оставаться полностью определённым. Именно поэтому вопрос «когда человек перестал существовать?» допускает научный ответ, но вопрос «когда человек пережил своё отсутствие?» оказывается логически некорректным — не потому, что существует бессмертие или наука чего-то ещё не знает, а потому, что исчезновение субъекта одновременно прекращает возможность любого дальнейшего субъективного описания.

7. Точечная асимптота сознания

Теперь можно сформулировать центральную гипотезу настоящей работы. Она не утверждает, что сознание продолжается после смерти организма, не утверждает существование души и не претендует на физическое доказательство загробного существования. Её содержание значительно скромнее: если субъективный опыт существует только до тех пор, пока существует субъект этого опыта, то собственное небытие никогда не становится элементом внутреннего опыта. Для первого лица оно играет ту же роль, которую асимптота играет для функции — оно существует как предельная граница описания, но не как наблюдаемое состояние внутри самого описания. Поэтому смерть оказывается событием, полностью доступным объективному исследованию и одновременно принципиально недоступным непосредственному переживанию. Это различие не устраняет трагедию смерти, но оно показывает, что язык первого лица и язык третьего лица обладают различными областями применимости. Именно это обстоятельство станет отправной точкой для следующей главы, где мы попытаемся понять, каким образом современные реляционные представления физики позволяют по-новому взглянуть на природу наблюдателя и почему понятие отношения оказывается столь фундаментальным не только для философии, но и для самой структуры физических теорий.

Часть III. Реляционный мир

8. Почему физика всё чаще говорит об отношениях

На протяжении большей части истории науки физическая картина мира строилась вокруг объектов. Существовали тела, обладающие определёнными свойствами; пространство служило сценой, время — универсальными часами, а задача физики состояла в том, чтобы максимально точно описать движение этих объектов. Такое представление оказалось чрезвычайно успешным: оно позволило построить механику Ньютона, объяснить движение планет, создать инженерию и положить начало современной технологии. Однако по мере развития науки постепенно обнаружилось, что многие фундаментальные понятия оказываются не абсолютными, а относительными.

Одним из первых серьёзных шагов в этом направлении стала специальная теория относительности. Она не утверждает, что «всё относительно» в бытовом смысле этого выражения — напротив, она сохраняет строгие физические законы. Но она показывает, что такие привычные величины, как длина, длительность и одновременность событий, зависят от состояния движения наблюдателя. Разные наблюдатели могут по-разному описывать один и тот же процесс, и ни одно из описаний не является привилегированным. Объективность

достигается не выбором «правильной» точки зрения, а существованием математических законов, связывающих различные точки зрения между собой. Это важный философский поворот: физика начинает искать неизменность уже не в самих величинах, а в правилах перехода между различными описаниями. Отношение становится не случайной особенностью наблюдения, а частью структуры самой теории.

9. Квантовая механика и предел описания

Ещё более необычная ситуация возникает в квантовой физике. Эксперименты показывают, что микроскопические системы нельзя полностью описать тем же языком, который хорошо работает в повседневном мире, но что именно это означает — вопрос до сих пор остаётся открытым. Современная физика знает несколько интерпретаций квантовой механики: одни рассматривают волновую функцию как описание объективной реальности, другие — как инструмент вычисления вероятностей, третьи подчёркивают фундаментальную роль отношений между системами. Среди последних особый интерес представляет реляционный подход, согласно которому физические свойства приобретают определённую не абсолютно, а относительно конкретного взаимодействия между системами.

Не все физики принимают такую интерпретацию, она остаётся одной из нескольких конкурирующих моделей. Однако сама возможность подобного взгляда имеет важное философское значение: если свойства системы зависят от контекста взаимодействия, то отношение перестаёт быть второстепенной характеристикой и становится необходимым элементом описания. Заметим, что из этого вовсе не следует зависимость мира от человеческого сознания — взаимодействовать могут любые физические системы, а наблюдатель в данном случае понимается значительно шире, как любой объект, способный вступить в физическое взаимодействие и сохранить информацию о его результате. Такое понимание не подтверждает нашу философскую модель, но оно показывает, что сама идея реляционного описания уже занимает заметное место в современной научной картине мира.

10. Информация и исчезновение

Ещё одна область современной физики, представляющая философский интерес, связана с понятием информации. На протяжении последних десятилетий вопрос о судьбе информации стал одним из центральных в исследованиях чёрных дыр и квантовой гравитации: может ли информация исчезнуть окончательно, или она лишь становится практически недоступной для восстановления? Окончательного ответа пока не существует. Тем не менее большинство современных подходов стремится сохранить принцип обратимости фундаментальных физических законов, что означает, что исчезновение информации рассматривается скорее как проблема описания, чем как её буквальное уничтожение.

Здесь важно не делать поспешных выводов. Даже если информация сохраняется в некотором фундаментальном смысле, из этого ещё не следует сохранение личности — структура данных и субъективный опыт не одно и то же. Запись музыкального произведения и его исполнение также нельзя считать тождественными. Однако сама постановка вопроса оказывается чрезвычайно интересной: она показывает, что современная физика постепенно смещает внимание от вещества к структурам, корреляциям и информационным отношениям. Именно в этом смысле философская модель, развиваемая в настоящей работе, оказывается созвучной некоторым направлениям современной науки — она не выводится из них, но использует сходный язык описания.

11. Где заканчивается физика

На этом этапе необходимо провести границу особенно ясно. Физика отвечает на вопросы о поведении объективно наблюдаемых систем, строит модели, проверяемые экспериментом, и допускает возможность ошибки, постоянно пересматривая собственные теории. Философия же задаёт вопросы другого рода: она исследует основания самих понятий, которыми пользуется наука. Когда мы спрашиваем, может ли субъект пережить собственное отсутствие, мы уже выходим за пределы экспериментальной физики. Ни один прибор не способен зарегистрировать внутренний опыт полного отсутствия субъекта — не потому, что техника недостаточно совершенна, а потому, что сам вопрос относится к границе между объективным описанием и феноменологией.

Поэтому дальнейшие рассуждения следует понимать именно как философский анализ. Мы не будем пытаться вывести сознание из квантовой механики, не будем искать в физических формулах доказательство бессмертия и не будем использовать научные термины как замену метафизике. Напротив, мы примем существование границы между различными способами понимания мира, и именно уважение к этой границе делает возможным их содержательный диалог. Следующая глава будет посвящена тому, каким образом логическая структура предела позволяет по-новому взглянуть на время, память и конечность человеческого существования — уже без обращения к недоказуемым физическим предположениям.

Часть IV. Время как внутренняя геометрия опыта

12. Мы никогда не живём во времени

О времени принято говорить так, словно оно представляет собой самостоятельную сущность: мы говорим, что время течёт, что оно ускоряется или замедляется, что оно движется из прошлого в будущее. Но стоит внимательнее присмотреться к собственному опыту, как возникает неожиданная трудность: мы никогда не наблюдаем само течение времени, мы наблюдаем лишь изменения — падающий лист, угасающий звук, стареющее лицо, движение стрелки часов. Если мысленно устранить все изменения, исчезнет и само ощущение времени. Возникает естественный вопрос: что является первичным — время или изменение? Физика отвечает на него по-разному в различных теориях, однако для феноменологии существует более простой путь. Сознание никогда не встречается со временем как с самостоятельным объектом — оно всегда встречается только с последовательностью переживаний. Следовательно, субъективное время — это не вещь, а способ организации опыта.

13. Настоящее не имеет толщины

Попробуем определить настоящее. На первый взгляд задача кажется тривиальной: настоящее — это то, что происходит сейчас. Однако слово «сейчас» оказывается удивительно неуловимым. Если настоящее обладает длительностью, то его начало уже стало прошлым, а конец ещё принадлежит будущему; если же настоящее не имеет длительности вовсе, то как внутри него вообще может происходить какое-либо переживание? Этот парадокс обсуждался ещё Августином, позднее к нему возвращались Бергсон, Гуссерль и многие другие мыслители. Окончательного решения не существует, но можно предложить иную постановку вопроса. Возможно, настоящее вообще не является временным интервалом, а представляет собой непрерывно движущуюся границу между памятью и ожиданием. Сознание никогда не находится внутри протяжённого настоящего — оно непрерывно создаёт его. Каждый новый акт восприятия мгновенно превращает только что возникшее содержание в память, будущее непрерывно становится настоящим, а настоящее столь же непрерывно становится прошлым.

Мы существуем не внутри времени — мы существуем на его границе.

14. Личность как непрерывность различий

Если настоящее постоянно исчезает, возникает другой вопрос: почему человек ощущает себя одним и тем же? Организм меняется, клетки обновляются, воспоминания искажаются, убеждения становятся другими, даже химический состав мозга постепенно изменяется — и всё же сохраняется ощущение: «Это по-прежнему я». Что именно остаётся неизменным?

Возможно, не существует никакой неподвижной сущности, которую можно было бы назвать личностью. Возможно, личность представляет собой устойчивую структуру отношений между постоянно изменяющимися состояниями. Подобно тому как мелодия остаётся узнаваемой независимо от конкретных колебаний воздуха, человеческое «я» может сохраняться благодаря непрерывности внутренней организации опыта. Тогда память оказывается не складом готовых воспоминаний, а механизмом поддержания самотождественности. Мы узнаём себя не потому, что обладаем неизменным внутренним ядром, а потому, что каждое новое состояние включается в уже существующую сеть взаимных связей. Именно поэтому потеря памяти переживается столь драматично: разрушается не только информация, но и сама структура отношений, благодаря которой человек продолжает узнавать собственную историю как свою.

15. Почему конец нельзя пережить

Теперь можно вернуться к вопросу, поставленному в самом начале работы: может ли субъект пережить собственное отсутствие? После всего сказанного этот вопрос начинает выглядеть иначе. Сознание существует лишь в форме непрерывного обновления настоящего: каждый следующий момент опыта наследует предыдущему, возникает цепочка состояний, каждое из которых делает возможным существование следующего. Представим теперь, что эта цепочка обрывается. Для внешнего наблюдателя это вполне определённое событие, но для внутреннего описания возникает логический предел. Последнего переживания собственного отсутствия не существует — не потому, что после смерти обязательно продолжается сознание, и не потому, что человек каким-то образом «обманывает» смерть. Причина значительно проще: любой опыт требует субъекта, а отсутствие субъекта исключает возможность нового опыта. Следовательно, прекращение сознания нельзя включить внутрь самого сознания как ещё одно переживание. Последнее доступное состояние всегда остаётся последним состоянием присутствия, за ним не следует состояние отсутствия — за ним уже не следует никакого состояния. Именно поэтому собственное небытие оказывается не событием опыта, а его логической границей.

16. Последняя асимптота

В математике асимптота представляет собой линию, к которой функция может бесконечно приближаться внутри выбранной области определения. Она не обязана быть физической преградой — она обозначает предел применимости определённого способа описания. Субъективный опыт обнаруживает удивительно похожее свойство: пока существует переживание, существует и субъект этого переживания; когда субъект исчезает, прекращается сама область определения феноменологии. Поэтому смерть оказывается не последним переживаемым состоянием, а границей, после которой язык первого лица теряет предмет своего применения. Эта мысль ничего не говорит о том, существует ли что-либо после смерти, она лишь показывает, что феноменология не располагает средствами описания собственного прекращения. Подобно тому как невозможно увидеть собственные глаза без отражения, невозможно непосредственно пережить собственное отсутствие — не потому, что оно невозможно, а потому, что в тот момент уже исчезает тот, для кого вообще могло бы существовать какое-либо «для меня». Именно в этом смысле смерть становится не последней

точкой внутреннего опыта, а его предельной асимптотой — не объектом переживания, а границей, на которой заканчивается сама возможность говорить языком переживания.

Часть V. За пределом описания

17. Последний вопрос

В начале этой работы был поставлен вопрос: **может ли субъект пережить собственное отсутствие?** Мы не пытались ответить на него ссылкой на религию, не пытались вывести ответ из современной физики, не пытались доказать бессмертие или, наоборот, окончательное уничтожение личности. Вместо этого мы исследовали саму структуру вопроса и постепенно обнаружили, что трудность заключается не столько в ответе, сколько в языке, которым этот вопрос сформулирован.

18. Где заканчивается описание

Любое описание предполагает различие: чтобы описать объект, необходимо отличить его от окружающего; чтобы описать изменение — различить состояние «до» и состояние «после»; чтобы описать переживание — необходимо существование того, кто переживает. Поэтому исчезновение субъекта обладает необычным свойством: оно не является ещё одним переживаемым состоянием, оно одновременно устраняет саму возможность дальнейшего внутреннего описания. В этом отношении смерть отличается практически от всех остальных человеческих событий. Боль можно пережить, страх можно пережить, даже потерю сознания можно пережить постфактум, если сознание возвращается. Но невозможно сделать предметом непосредственного опыта собственное отсутствие — не потому, что за ним непременно следует какая-либо иная форма существования, и не потому, что отсутствия не существует, а потому, что прекращение субъекта одновременно прекращает и саму возможность появления новых феноменов для этого субъекта. Здесь заканчивается не мир — заканчивается применимость языка первого лица.

19. Предел как философское понятие

Во многих областях знания существуют границы, которые нельзя устранить, а можно лишь осознать: в математике — пределы, в логике — теоремы о неполноте, в физике — фундаментальные ограничения измерения, в информатике — задачи, для которых невозможно построить универсальный алгоритм решения. Подобные границы не являются свидетельством слабости науки — напротив, именно они определяют область её применимости. Феноменология сталкивается с аналогичной ситуацией: собственное небытие оказывается не скрытым объектом исследования, а логическим пределом самого исследования. Поэтому вопрос «что переживает субъект после полного прекращения собственного существования?» может оказаться устроен так же, как вопрос «как выглядит севернее Северного полюса?» или «какого цвета число семь?» Грамматика подобных вопросов создаёт впечатление осмысленности, однако сами используемые понятия перестают быть применимыми. Именно поэтому осторожность оказывается здесь важнее любых категорических выводов.

20. Ноль как открытый горизонт

На протяжении всей работы ноль рассматривался не как арифметический символ и не как физическая константа. Он выступал образом предельной симметрии — точкой, в которой исчезают различия, границей, где язык различий перестаёт работать. Возможно, именно

поэтому человеческая культура столь часто связывает образ пустоты одновременно с завершением и с возможностью нового начала — не потому, что пустота уже содержит готовые ответы, а потому, что она освобождает место для возникновения новых различий. В этом смысле ноль не завершает рассуждение, он делает возможным следующее.

Заключение. Открытая система

Философия редко заканчивается окончательными ответами. Её задача состоит не столько в том, чтобы закрыть вопрос, сколько в том, чтобы научиться задавать его точнее. Настоящая работа не является физической теорией, не претендует заменить нейронауку и не предлагает новую религию. Её цель значительно скромнее: показать, что понятия отношения, предела и субъективного опыта могут быть рассмотрены как части единой философской картины. Если эта картина окажется ошибочной, её можно будет уточнить или заменить другой; если же она окажется плодотворной, то её ценность будет заключаться не в окончательных ответах, а в новых вопросах, которые она позволит поставить. Возможно, именно в этом и состоит главное назначение философии — не устранять тайну, а делать её более понятной.

Мы начали с простого вопроса: **может ли субъект пережить собственное отсутствие?** Мы не получили окончательного ответа, но, возможно, обнаружили нечто более важное: мы увидели, что сама граница между существованием и небытием оказывается одновременно границей человеческого языка, и именно поэтому она остаётся одним из последних горизонтов философии.

Для цитирования

© Коток В.В. [Нулевой предел — Опыт построения реляционной модели сознания. Препринт, 2026.](#)

Доступно для свободного использования в образовательных целях.